

Глава 17: Мэймэй, давай обнимемся

Днем большинство собак были на выезде, а возвращались все в разное время, поэтому дневные и вечерние тренировки отменили.

Пока четвероногие помощники были в отъезде, кинологи немного обустроили вольеры, положив в места для сна несколько старых автомобильных покрышек.

А-Но, Тянь Ян и А-Бу вернулись одними из первых. После еды, по заведенному порядку, А-Но и А-Бу обычно шли к своим кинологам, чтобы еще немного поиграть — в фрисби или просто потренироваться.

Тянь Яну совершенно не хотелось ни в чем участвовать. Как только А-Но и А-Бу закончили есть, он встал и направился в спальное помещение. А-Но посмотрел самоеду вслед, затем на висевшее в небе палящее солнце — до отбоя было еще далеко. Он бросил взгляд в сторону кабинета Чэнь Сяофэна и пошел следом за белоснежным псом.

А-Бу же, по своей привычке, отправился в офисную зону к Люй Цзяну. Тот как раз закончил обедать и, сидя в кресле, с кем-то разговаривал по телефону.

Пес немного полежал у его ног, но, поняв, что кинолог не собирается с ним играть, встал и побрел обратно к псарне.

Вернувшись, Тянь Ян без сил отыскал самый дальний угол, нашел огромную покрышку и залез прямо внутрь. А-Но вернулся чуть позже, неся в зубах фрисби. Он с гордостью, словно великое сокровище, положил диск перед самоедом.

— Мэймэй, пойдём играть в фрисби! — позвал он, энергично виляя хвостом.

Игра в фрисби была для собак на базе самым расслабляющим моментом дня, и ни один пес не мог устоять перед этим искушением.

А-Но только здесь, на базе, узнал, что у служебных собак бывает столько развлечений. Раньше, в армии, все дни были расписаны по минутам, и после тренировок они были вымотаны до предела. Там они действительно уставали как собаки, и на игры не оставалось ни времени, ни сил.

— Не хочешь. Поиграй сам, А-Но, — Тянь Ян безвольно положил голову на край покрышки, всем телом утонув в ее внутреннем круге.

Так он чувствовал себя в безопасности.

— Мэймэй, почему ты не хочешь? Фрисби — это очень весело, я могу тебя научить.

Хоть А-Но и получил отказ, он не сдавался. Он вспомнил, что, когда сам только прибыл сюда, тоже не знал, что такое фрисби. В первый день, хоть он и очень хотел играть, он не решался присоединиться. А-Но подумал, что самоед, возможно, просто стесняется, потому что не умеет.

Тянь Ян поднял голову и посмотрел на серьезного, настойчивого пса. Тот стоял перед ним и, как ребенок, пытался навязать свою любимую игрушку.

Сердце Тянь Яна дрогнуло. Он вспомнил их встречу в доме престарелых. Тогда он был занят только жалобами и выплескиванием собственного уныния. Если бы не сегодняшний сон, он бы, наверное, и не вспомнил, что был пес, который в тот жаркий полдень терпеливо, без малейшего раздражения, слушал его бесконечные причитания.

— А-Но, знаешь... у меня депрессия. Я очень хочу радоваться, но у меня не получается, — Тянь Ян долго смотрел на собеседника, а потом, уткнувшись в покрышку, выдал дрожащим голосом.

Это был первый раз, когда он заговорил о своей болезни за пределами больницы.

— Мэймэй, а что такое депрессия?

А-Но почувствовал в словах самоеда глубокую печаль. Он скользнул внутрь покрышки, тесно прижался к Тянь Яну и ощутил, как тот дрожит всем телом.

— Меня не зовут Мэймэй! — глухо пробормотал пёс.

Вместо того чтобы объяснить суть болезни, он почему-то заикнулся на неправильном обращении. Хотя и сам не понимал, почему имя вдруг стало так важно.

— Цзинцзин? Можно я буду звать тебя Цзинцзин? — радостно предложил А-Но, еще сильнее прижимаясь головой к самоеду.

Он вспомнил, как когда-то давно, еще щенком на армейской базе, видел белоснежного самоеда. Когда отряды возвращались с задания, этот пушистый комок радостно выбегал навстречу и кружился вокруг самой грозной и сильной военной собаки.

Тогда кинолог звал того пса «Цзинцзин». И в сознании А-Но это имя стало синонимом чего-то прекрасного. Раз самоед говорит, что он не Мэймэй, значит, можно звать его Цзинцзин. Это тоже очень красиво.

У Тянь Яна перехватило дыхание.

«Что с ним не так? Я пытаюсь обсуждать серьезную тему депрессии, а он заладил со своими именами!»

— Цзинцзин, Цзинцзин, давай обнимемся, хорошо? Цзинцзин, Цзинцзин, ты мне нравишься, давай пообнимаемся, — радостно повторял А-Но, возбужденно прижимаясь к товарищу.

Тянь Ян с трудом сдерживал подступающее раздражение. Когда А-Но в очередной раз попытался его лизнуть, он окончательно взорвался.

— Отвали! Я не Цзинцзин! Не смей меня так называть! Иди ищи свою Цзинцзин!

Выкрикнув это, Тянь Ян резко повернул голову и вцепился зубами в А-Но.

— Гав-гав-гав! — раздался пронзительный визг.

Тянь Ян, который обычно казался слабым и беззащитным, укусил на удивление больно, впившись зубами в кончик передней лапы А-Но. От острой боли тот одним прыжком выскочил из крыши.

Отчаянный крик привел Тянь Яна в чувство. Он растерянно поднялся и посмотрел на А-Но, который стоял снаружи, поджав пораненную конечность.

— П-п-прости. Я... я не хотел тебя кусать. Я не знал, что у меня получится, — заикаясь, пролепетал он.

Самоед действительно не ожидал, что сможет ранить А-Но. В порыве гнева он совершенно забыл, что теперь обладает клыками и силой, способной причинить реальный вред.

— Что случилось? Что там такое? — услышался голос Чэнь Сяофэна.

Самоего кинолога еще не было видно, но его голос и звук торопливых шагов уже доносились до псарни.

Тянь Ян запаниковал. Он не смел и представить, что сделает мужчина, если узнает об укусе. Кажется, он совершил ошибку, последствия которой были ему не под силу.

«Что делать? Что делать?»

Самоед в отчаянии заметался внутри крыши.

— Цзинцзин... нет, не Цзинцзин.

А-Но очень хотел подойти и успокоить его, но не знал, как теперь обращаться. Ни одно из трех имен — Сянсян, Мэймэй или Цзинцзин — самоеду, похоже, не нравилось.

— Не бойся, молчи. Я... я в порядке.

А-Но тоже был в смятении. Состояние Тянь Яна выглядело пугающим. Пес вспомнил разговоры, которые слышал сегодня на выезде: Чэнь Сяофэн собирался тренировать самоеда как полицейскую собаку. Но первое, чему должен научиться такой пес — это послушание. Если кинолог узнает, что самоед укусил его за лапу, он решит, что тот неуправляем, и назначит изнурительные дополнительные тренировки.

Первым делом А-Но решил успокоить Тянь Яна и попытаться скрыть рану от Чэнь Сяофэна.

— Ты... ты ложись и молчи!

А-Но, преодолевая пульсирующую боль, запрыгнул на край покрышки и попытался прижать товарища лапой к дну, заставляя затихнуть.

Когда Чэнь Сяофэн вошел, он увидел вполне мирную картину: самоед, сжавшись в комок, лежал внутри большой покрышки и дрожал как осиновый лист. А-Но же устроился в соседней покрышке и смотрел на вошедшего ясными, невинными глазами.

Кинолог подозрительно оглядел обеих собак. Одна — «глупенькая» — зарылась так глубоко, что даже глаз не было видно, а вторая — «умная» — так и вращала зрачками.

Визг, который мужчина услышал, определенно принадлежал А-Но. Первой мыслью было, что произошла драка, но в помещении были только эти двое. Даже если бы конфликт случился, самоед точно не был противником для тренированного пса. Чэнь Сяофэн не мог понять происхождение того крика.

— А-Но, что ты сделал с самоедом? — спросил он, подходя и выживая дрожащего пса из укрытия.

Он поставил его на пол и принялся внимательно осматривать. Во время проверки Тянь Ян крепко зажмурился.

Чувствуя страх животного, Чэнь Сяофэн быстро проверил лапы и туловище — следов укусов не было. Он погладил пса по спине, успокаивая, и уже хотел вернуть его в покрышку, как вдруг, словно что-то вспомнив, быстро схватил его за хвост и проверил заднюю часть.

— Уф, слава богу!

Увидев, что там нет никаких повреждений, мужчина с облегчением вздохнул и невольно рассмеялся. Надо же, его псы выросли, и теперь за ними нужен был глаз да глаз.

Закончив осмотр, Чэнь Сяофэн аккуратно положил самоеда обратно и, погрозив пальцем притворявшемуся невинным А-Но, строго сказал:

— А ты, парень, веди себя прилично!

С этими словами он подхватил свои инструменты и направился к выходу.

А-Бу, который все это время стоял в дверях, дождался, пока кинолог отойдет, и пулей влетел внутрь.

— Гав-гав-гав! Вожак, вожак, это ты сейчас орал? Что стряслось? — обеспокоенно засыпал он вопросами.

— Гав-гав, замолкни, я в норме, — прошипел А-Но, следя за дверью.

Он уже хотел вытащить спрятанную лапу, как вдруг Чэнь Сяофэн, словно что-то забыв, резко развернулся и вошел обратно. А-Но поспешно засунул раненую конечность под покрывку.

— А-Но? А ну-ка встань, я тебя осматриваю.

Мужчина отложил вещи и шагнул к нему. Но А-Но, который обычно беспрекословно слушался, на этот раз начал уворачиваться и всячески избегал контакта, не желая покидать свое место.

— В чем дело? Я что, уже и посмотреть на тебя не могу?

После нескольких неудачных попыток поймать пса, кинолог даже вспотел.

— Да я просто гляну, не съем же!

Несмотря на все уговоры, А-Но продолжал извиваться и не давался в руки.

Тянь Ян, зарывшись в свою покрывку, чувствовал, как его сердце готово выпрыгнуть из груди. Он был уверен: если Чэнь Сяофэн обнаружит рану, его в ту же секунду пустят на жаркое.

— Да что ты ломаешься? Чего я там не видел? — видя, что пес не собирается сдаваться, кинолог наконец отступил.

Он снова взял инструменты и, ворча под нос, окончательно вышел.

Чем больше А-Но упрявился, тем больше мужчина убеждался в своей догадке. Пёс вырос, и у него появились свои маленькие секреты. Совсем как у подростка в период полового созревания. Чэнь Сяофэн чувствовал себя родителем, который боится, что его ребенок ввязался в «ранние отношения».

Он опасался, что если силой вытащит А-Но и увидит его... физиологическое возбуждение, да еще и при объекте его симпатии, это нанесет удар по самолюбию пса. Поразмыслив, он решил сделать вид, что ничего не заметил.

Убедившись, что хозяин не вернется, А-Но, сильно прихрамывая, вылез из своего укрытия. Он перепрыгнул к самоеду и, погладив его здоровой лапой по спине, тихо прошептал:

— Все, все, тише. Не бойся, все обошлось.

— Вожак! У тебя лапа в крови! — А-Бу, подбежав ближе, заметил рану. Кровь сочилась из прокушенного кончика и уже успела склеить шерсть.

— Заткнись! Тише ты, хочешь Чэнь Сяофэна вернуть? — сердито осадил его А-Но.

— Прости...

Тянь Ян поднял голову и только сейчас по-настоящему увидел дело своих зубов. На лапе А-Но зияла ранка, а шерсть вокруг была перепачкана багровыми пятнами.

— Пустяки, совсем не больно. Не пугайся так, — А-Но спрятал раненую лапу под себя и принялся нежно вылизывать макушку дрожащего самоеда. — Я рядом, не бойся!

<http://bllate.org/book/15987/1501061>